

Говард Филлипс Лавкрафт

Заявление Рэндольфа Картера

(The Statement of Randolph Carter)

Вновь поведаю - не знаю я, что стало с Харлеем Вареном, хоть думаю, - почти надеюсь, что пребывает он ныне в мирном забвении, если там существует столь благословенная вещь. Истинно, в течении пяти лет я был его ближайшим другом, и даже разделил с ним исследования неизведанного. Я не стану отрицать (нашелся свидетель, пусть слабый и ненадежный - моя память) похода к пику Гаинсвилль, на дороге к Большому Кипарисовому Болоту, той отвратительной ночью, в полдвенадцатого. Электрические фонари, лопаты, катушка провода, что мы несли - лишь декорации к омерзительной сцене, сожженной моей поколебавшейся памятью. Но затем, я должен настоять, что не утаил ничего, что следовало бы сказать, о том почему меня нашли следующим утром на краю болота одинокого и потрясенного. Утверждаете - ни на болоте ни рядом не было ничего, что могло бы вселить страх. Я соглашусь, но добавлю, оно было вне - я видел. Видение, кошмар, должно быть это было видение, либо же кошмар - я надеюсь - все же лишь это сохранил мой разум о тех отвратительных часах, когда мы лишились человеческого надзора. И почему Харлей Варрен не вернулся, он, либо его тень, либо некая безымянная вещь, которую я бы даже не рискнул описать, лишь сам он может поведать.

Говорю я, мне было известно, о изучении сверхъестественного Харлеем Вареном, и до некоторой степени я помогал ему. В его обширной коллекции странных, редких книг о запретном, я прочел все на языках которыми владел, но как мало их. Большинство книг, я полагаю, было на арабском, а книга злодея-предателя, приобретенная последней, и которую он всегда носил в кармане, вовсе написана письменами подобных которым я не видал. Варен никогда не говорил, что было в ней. О его исследованиях, надо ли повториться, - теперь я не знаю, что он искал. И не слишком ли это милосердно ко мне, я не заслужил такого, учитывая наши ужасные занятия, в которых я участвовал скорее под его влиянием, чем в силу действительной склонности. Варен всегда подавлял меня, а временами я боялся его. Помню, содрогался, ночью перед ужасным походом, когда он рассказал свою теорию, что некоторые трупы никогда не распадаются, но остаются крепкими в своих могилах тысячи лет. Но я не боюсь его теперь, подозреваю, он познал ужасы недоступные моему жалкому разуму. Теперь я боюсь за него.

Вновь повторюсь, теперь я не знаю наших намерений той ночью. Конечно, книга которую Варрен нес с собой - та древняя книга с непонятными символами, попавшая к нему из Индии месяц назад, должна была как-то использоваться - но клянусь я не знаю, что мы ожидали найти. Свидетель утверждает, что видел нас в полдвенадцатого на пике Гайнсвилль, по дороге к Большому Кипарисовому Болоту. Возможно это верно, но моя память ненадежный свидетель. Все размыто и в моей душе осталась лишь единственная картина, что могла существовать лишь много позднее полуночи - полумесяц изнуренной луны застыл высоко в облачном небе.

Наша цель - древнее кладбище, столь древнее, что я дрожал при многочисленных знаках незапамятных лет. Кладбище в глубокой, сырой лощине, заросшей редкой травой, мхом и вьющимися стелющимися сорняками, заполненной зловонием, которое мое праздное воображение абсурдно связало с выветренными камнями. По всякому, знаки запустения и ветхости были везде, и замечание Варена, что мы первые живые создания вторгнувшиеся в смертельную тишину веков, показалось мне правдой. Над правой долиной, бледный, изнуренный полумесяц выглядывал сквозь нездоровые испарения, казалось, исходивших из катакомб, и в его слабых, нерешительных лучах я едва мог разглядеть отталкивающие массивы античных плит, урн, кенотафий и фасадов мавзолеев, разрушающиеся, поросшие мхом, съеденные влажностью и частично скрытые под грубым богатством нездоровой растительности.

Первое яркое впечатление в этом ужасном некрополе - Варен остановился перед наполовину разрушенной могилой и бросил на землю вещи. Тогда я заметил у себя электрический фонарь и две лопаты, а у компаньона кроме фонаря еще и переносной телефонный аппарат. Мы не проронили ни слова, - место и цели казались ясны, и без малейшей задержки схватились за лопаты, и стали расчищать траву, сорняки, снимая землю с плоского, архаического погребения. Когда мы полностью расчистили погребение, состоявшее из трех огромных гранитных плит, я отступил назад, чтобы рассмотреть лучше, а Варен казалось занялся умственными расчетами. Затем он повернулся к могиле и используя лопату как рычаг попытался заглянуть под плиту, находящуюся ближе всего к каменным развалинам, которые должно быть когда-то были памятником. Он не преуспел и направился ко мне за помощью. Вместе мы расшатали камень, а затем и перевернули его.

Отодвинув плиту мы обнаружили черный провал, из которого хлынули миазмы испарений, столь тошнотворные, что мы отпрянули в ужасе. Но через некоторое время, мы приблизились к яме вновь и нашли, что испарения менее тошнотворны. Фонари показали сырые стены и каменные ступени, на которые капала отвратительная мерзость внутренней земли. И тогда впервые моя память сохранила произнесенное вслух: Варен, обратился ко мне низким тенором, слишком невозмутимым для ужасающего окружения.

"Извини, я должен просить тебя, остаться на поверхности, - сказал он, - но будет преступлением, позволить кому бы ни было со столь слабыми нервами спуститься вниз. Ты не можешь представить, хоть и читал, да и я тебе рассказывал, то что я увижу и сделаю. Это дьявольская работа, Картер, я беспокоюсь, сможет ли человек не обладающий чувствительностью дредноута лишь взглянув на то, вернуться живым и нормальным. Я не хочу оскорбить тебя, и лишь небеса знают как я был бы рад захватить тебя с собой, но ответственность на мне, - я не могу тащить комок нервов (а ты и есть комок нервов) вниз к возможной смерти и безумию. Говорю тебе, ты не можешь представить на что это действительно похоже! Но клянусь сообщать по телефону о каждом своем шаге - у меня хватит провода до центра земли и обратно."

Я еще слышу, в памяти, те холодно произнесенные слова, и еще могу вспомнить свои протесты. Кажется, я отчаянно волновался и пытался убедить друга позволить сопровождать его в те могильные глубины, но тот оказался тверд. Он даже

пригрозил, отказаться от спуска вовсе, если я продолжу настаивать, и угроза подействовала - лишь он знал, что делать дальше. Это я еще помню, хоть больше не знаю, что мы искали. Я уступил, а Варен стравил провод и начал собирать оборудование. По его кивку я взял аппарат и сел на старую, обесцвеченную могильную плиту рядом с недавно раскрытым отверстием. Затем он пожал мою руку, взвалил на плечи катушку провода и исчез склепе.

Еще с минуту я видел отсветы его фонаря, и слышал шелест провода падающего за ним, но свет внезапно исчез, как если бы был пройден поворот каменной лестницы, а звук умер почти также скоро. Я был одинок, и все же привязан к неизвестным глубинам волшебной нитью, чья изолированная поверхность лежала под восставшими лучами изнуренного серпа луны.

В свете фонаря я постоянно сверялся с часами, с лихорадочным беспокойством вслушиваясь в телефонную трубку, но более четверти часа не слышал ничего. Затем из телефона раздался слабый треск и я позвал друга тревожным голосом. Я был полон предчувствий, однако к словам произнесенным из того странного обиталища, намного более встревожено, чем когда либо ранее я слышал от Варена, не был готов. Он, кто так спокойно оставил меня недавно наверху, теперь звал снизу дрожащим шепотом более зловещим чем самым громкий вопль.

"Боже! Если бы мог видеть что я вижу!"

Я не мог говорить. Безмолвно я мог только ждать. Тогда испуганные звуки раздались вновь:

"Картер, это ужасно-чудовищно-невероятно!"

В этот раз голос не подвел меня, и я вылил в передатчик наводнение переполняемых меня вопросов. Испугано, я повторял,

"Варен, что там? Что там?"

Еще раз раздался голос моего друга, хриплого от страха, и разбавленного привкусом отчаяния.

"Я могу сказать тебе, Картер! Это вне человеческого сознания - я не смею тебе сказать - человек не может узнать это и выжить. Великий Боже! Я никогда не думал о таком!"

Вновь немота спасла меня от безмолвного потока дрожащих вопросов. А затем раздался голос Варена в диком испуге.

"Картер! ради любви к господу, верни плиту на место и убирайся как только можешь! - бросай все что ты делаешь снаружи и уноси ноги - твой единственный шанс! Делай что тебе говорят, и не проси объяснений!"

Я слышал, но был способен лишь повторять свои испуганные вопросы. Вокруг

меня были могилы, темнота и тени; подо мною, некая опасность за пределами человеческого разума. Но друг мой был в большей опасности чем я, и сквозь страх, чувствовал определенное негодование, что он должно быть считает меня способным бросить его сейчас. Еще щелчок и после паузы жалкий крик Варена.

"Уничтожь его! Ради господ, положи плиту на место и уничтожь его, Картер!"

Голос компаньона освободил меня от паралича. "Варен, подбодрись! Я спускаюсь!" И в ответ крик отчаяния.

"Нет! Ты не понимаешь! Слишком поздно - моя ошибка. Задвинь плиту на место и беги - ничего иного ты или кто-либо другой и не может сделать."

Голос изменился вновь, становясь тише и обретая безнадежное смирение:

"Быстрее - прежде чем станет слишком поздно."

Я пытался не слушать его, пытался прорваться сквозь паралич, сковавший меня, и броситься вниз на помощь. Но его следующие слова застали меня все еще неподвижным в цепях абсолютного ужаса.

"Картер торопись! Это бесполезно - ты должен идти - лучше один чем два - плита - "

Пауза, щелчки, слабый голос Варена:

"Уже почти - не будь упорен - скрой эти проклятые ступени и беги ради собственной жизни - ты теряешь время - пока, Картер - мы не увидимся больше."

Здесь шепот Варена раздулся в крик; крик постепенно дорос до вопля преисполненного ужасами веков -

"Проклинаю адовы создания - легионы - мой бог! Бей! Бей! БЕЙ!"

После - тишина. Я не знал сколько нескончаемых вечностей сидел ошеломленным; шепот, бормотание, крики в телефоне. Вновь и вновь сквозь вечности в которых я шептал, бормотал, кричал и вскрикивал, "Варен, Варен! Ответь мне - ты там?"

А затем я очнулся коронованный ужасом невероятным, невообразимым, почти необъяснимым. Я говорил, что вечность, казалось прошла после крика Варена, визжащего последнее предупреждение, и лишь мой собственный крик разбил отвратительную тишину. Но после, в трубке раздались щелчки и я прислушался. Вновь я позвал в провал: "Варен, ты там?" и ответ принес помрачение разуму. Я не пытаюсь, джентльмены, объяснить ту вещь - тот голос - ни рискнуть описать в деталях, - первые слова удалили мое сознание и ввергли в мысленную пустоту длившуюся до пробуждения в больнице. Я должен сказать - голос был низкий, пустынный, студенистый, отдаленный, таинственный, жестокий, лишенный человеческой оболочки? Что я должен сказать? Я слышал его, и знаю при этом про

него ничего - поскольку слышал его сидя окаменевшим на неизвестном кладбище в пустоте, среди понижающихся мелодий, падающих могил, рядов растительности и паров миазма - слышал хорошо из самых глубин этих заслуживающих осуждения разрытых могил, где я наблюдал бесформенный, могильный танец теней под проклятой изнуренной луной.

И вот что оно сказало:

"Ты идиот, Варен - МЕРТВ!"

*Перевод: Thrary
1996 год*